

На правах рукописи

ИЛЮШИНА Милана Юрьевна

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СУЛТАНАТА МАМЛЮКОВ
БУРДЖИ (1382–1517):
БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ НЕДИНАСТИЙНОЙ
СИСТЕМЫ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

Москва 2022

Работа выполнена в департаменте востоковедения и африканистики факультета «Школа социальных наук и востоковедения» Санкт-Петербургского филиала Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Официальные

оппоненты:

Дьяков Николай Николаевич –

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Кириллина Светлана Алексеевна,

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Хотко Самир Хамидович,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

Ведущая

организация: ФГБУН Институт восточных рукописей РАН

Защита диссертации состоится «___» 2022 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета 24.1.041.01 по историческим наукам на базе ФГБУН «Институт востоковедения РАН» по адресу: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института востоковедения РАН (107031, Москва, ул. Рождественка, д.12) и на сайте www.ivran.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

кандидат исторических наук

Петрова А.А.

© ФГБУН «Институт востоковедения РАН», 2022

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. К началу правления бурджитских султанов государство, созданное мамлюками, оставалось крупнейшей державой Ближнего Востока и Северной Африки, а ее столица, Каир – резиденцией Аббасидских халифов, что, вместе с памятью о победах мамлюков над монголами и крестоносцами, определяло особую роль этого государства и высокий статус его правителей в мусульманском мире. Вместе с тем, именно в этот период мамлюки утратили авторитет бесстрашных защитников ислама, а к 1517 г. – контроль над обширными территориями, входившими в состав их султаната, и политическую власть: Египет и Сирия были завоеваны Османской империей, которая прочно заняла место ведущей державы мусульманского мира. Изучение причин столь значимых перемен в исторических судьбах народов Ближнего Востока представляется важным как для понимания исторического развития региона, так и для выявления механизма взаимодействия внутренних и внешних факторов, влияющих на сохранение стабильности государства, или, напротив, определяющих его политический крах.

Идея захвата власти рабами-гвардейцами или наемниками, рожденная на территории огромного мира ислама, воплощалась в той или иной форме в государствах Аббасидов (750–1258), Фатимидов (909–1171), Газневидов (977–1186) и получила наиболее полное развитие после того, как мамлюки уничтожили последнего из аййубидских султанов и начали самостоятельное правление в Египте. Рассмотренная в качестве исторической категории эта идея может служить основой для выявления закономерностей в событиях прошлого, их структурирования и анализа. Различные формы осуществления идеи господства чужеродной военно-политической элиты над автохтонным населением в отдельных странах Востока в Средние века, Новое и Новейшее время позволяют говорить о значительной степени актуальности изучения мамлюкской политической культуры и мамлюкского феномена в целом, в том числе и для поиска ответа на вопросы, которые ставят перед современным исследователем реалии сегодняшнего дня.

Трансформация политического режима Султаната мамлюков в XV в. привела к появлению новой политической культуры и формированию политических традиций, которые оказали мощное влияние на всю последующую историю Египта и Сирии. Специфическая система взаимоотношений между членами мамлюкской военной корпорации, принципы взаимодействия мамлюкской политической элиты с государственно-административными институтами и социальными группами, будучи рассмотрены в сравнительной, транскультурной и трансрегиональной перспективе, раскрывают новые ракурсы и подходы к изучению позднесредневековой истории стран Ближнего Востока и

Северной Африки, позволяют приблизиться к пониманию истоков государственности в мусульманском мире Нового времени.

Значительная роль армии в политической жизни Египта неоднократно отмечалась исследователями как устойчивая тенденция политического развития этого занимающего особое место и в геополитическом, и в идеологическом отношении арабского государства.¹ События Новейшей истории, июльская революция 1952 г. и, наконец, приход к власти Верховного главнокомандующего ВС Египта Абд ал-Фаттаха ас-Сиси подтверждают эту тенденцию. В современной научной литературе появился термин «новые мамлюки», отражающий глубинную связь властных отношений в Египте в XX и XXI вв. с традициями, которые приобрели устойчивый характер в период правления мамлюкских султанов. «Новыми мамлюками» или «нео-мамлюками» называют касту египетских военных офицеров (в Новое и Новейшее время) и их «приближенных», тех, кто связан с ними узами родства, дружбы и т.п.² Исследование политической системы и административного управления Египта в эпоху мамлюкских султанов – путь к глубокому пониманию исторических предпосылок, под влиянием которых формировались принципы взаимодействия военной и гражданской элиты, складывалось особое отношение автохтонного населения этой страны к армии и ее командирам, способным не только защищать государство, но и управлять им.

Степень разработанности темы исследования. В советском и российском востоковедении темы, связанные с историей Султаната мамлюков, поднимались сравнительно редко. Тем не менее, в ряде научных трудов были выдвинуты важные для настоящего исследования идеи и тезисы. Мамлюковедение за рубежом развивается очень активно. В библиографический список публикаций, посвященных мамлюкской эпохе, который постоянно пополняется и доступен на сайте библиотеки Чикагского университета, уже внесено более 15 тысяч работ на европейских и восточных языках. Несмотря на очевидный интерес к мамлюкской тематике, в зарубежной науке история мамлюков-Бурджитов в целом до сих пор подробно не рассматривалась, более того отдельные

¹ См., например, (Зеленев Е.И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI – начало XX века). СПб.: Издательство СПбГУ, 2003, с. 270–378; Смирнов В.Е. Роль военной организации в формировании и развитии социально-политической структуры османского Египта: XVI–XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2009, с. 5). Авторитетный специалист по истории Египта П. Ватикотис для характеристики специфических особенностей египетской политической системы предложил использовать термин «стратиократия», т.е. «режим, который в противоположность «военной олигархии» вовлекает в новую политическую элиту весь «военный институт» в целом» (Vatikiotis P.J. Arab and regional politics in the Middle East. London, New York: Routledge, 1984, p. 186).

² Bulliet R. Religion and the State in Islam: From Medieval Caliphate to the Muslim Brotherhood. University of Denver, Center for Middle East Studies, Occasional Paper Series–Paper 2, 2013, p. 13–14; Sonbol A.E.-A. The new Mamluks: Egyptian society and modern feudalism. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2000. xli, 292 p.

периоды этой истории пока остаются за пределами внимания востоковедов. Источниковая база и исследования, связанные с темой диссертации, представлены в первой главе работы и соответствующем разделе автореферата.

Цель диссертации – выявить и охарактеризовать основные этапы политического развития Султаната мамлюков Бурджи.

Для достижения цели исследования автор поставил следующие **задачи**:

- реконструировать последовательность и выявить взаимосвязь событий политической истории Египта и Сирии в период правления султанов Бурджи;
- осуществить комплексный анализ факторов, под влиянием которых складывалась внутренняя и внешняя политика мамлюков в бурджитский период;
- выявить характерные черты и особенности системы престолонаследия в Султанате мамлюков в изучаемый период;
- изучить формы и способы политической борьбы в Султанате бурджитских мамлюков, определить ее специфику в условиях нединастийного престолонаследия;
- исследовать структуру государственного управления Султаната мамлюков-Бурджи, формы, принципы и динамику взаимодействия мамлюкской политической элиты с административными институтами и социальными группами Египта и Сирии;
- выявить наиболее существенные изменения в политической административной структуре Султаната мамлюков в период правления мамлюков Бурджи и важнейшие факторы, под влиянием которых эти изменения происходили;
- исследовать особенности взаимосвязи светской и религиозной власти в Султанате мамлюков Бурджи.

Научная новизна. В диссертационном исследовании представлено цельное, подробное и последовательное освещение политической истории одного из самых важных периодов в истории Египта и Сирии, игравших в то время роль центра всего мусульманского мира и составлявших важную часть Средиземноморского региона, который связывал страны Востока со странами Запада, Европу – с Африкой и Азией. До настоящего времени как в отечественной, так и в западной историографии этому периоду были посвящены только сравнительно небольшие части монографий или учебников по истории, либо отдельные публикации, статьи, в которых освещались те или иные аспекты и фрагменты истории и культуры мамлюкского Египта и Сирии.

Впервые в отечественной и зарубежной историографии предложена периодизация истории правления султанов-Бурджитов в Египте и Сирии. Базовым критерием для периодизации стала степень сформированности и

устойчивости специфической бурджитской нединастийной системы престолонаследия, которая, в свою очередь, в значительной мере определяла уровень политической стабильности в государстве. Вопреки сложившемуся мнению о хаотичности смены правителей в государстве мамлюков-Бурджи, выявлены закономерности в процессе перехода власти и, собственно, та система престолонаследия, которая сформировалась в период правления Бурджитов.

Изучение этапов эволюции системы престолонаследия и политической истории Султаната мамлюков Бурджи в целом, позволило провести комплексный анализ факторов, которые оказывали влияние на политическую карьеру эмиров, входивших в военно-административную элиту и выявить специфику борьбы за власть в условиях нединастийной системы престолонаследия.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что на основе изучения политической истории Бурджитов выявлена система перехода власти в условиях нединастийного престолонаследия, ее характерные особенности, этапы развития и причины кризиса. Выводы, сделанные относительно особенностей политической борьбы при ненаследственном принципе перехода власти, существенно расширяют представление о государстве мамлюков, а также о формировании политических традиций и политической культуры в Египте. Раскрыты существенные аспекты влияния фактора времени на уровень стабильности политической системы в условиях нединастийного престолонаследия, а также специфическая роль матримониальных связей внутри мамлюкской политической элиты. Результаты исследования достигнуты на основе эффективного сочетания базовых для исторических изысканий методик с просопографическим подходом, биографическим методом и элементами количественного анализа.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее материалов при подготовке учебных курсов, программ, учебников и учебных пособий по истории стран Азии и Африки, государственному управлению и политической культуре Египта, теории политики и регионоведению.

Результаты исследования могут быть привлечены для изучения политических элит, а также закономерностей политического и государственного развития стран Ближнего Востока в Средние века и Новое время.

Методология и методы исследования.

Принципиальное значение для достижения цели исследования имело сочетание конкретно-исторического, системно-структурного, и антропологического методов изучения прошлого. Реконструируя политическую историю Султаната мамлюков, автор диссертации стремился представить не просто последовательность событий, но

проследить в этой последовательности генезис и эволюцию нединастийной системы престолонаследия, выявить значимость подвижных элементов структуры управления государством, проанализировать их взаимосвязь для того, чтобы понять закономерности функционирования мамлюкского политического режима.

Вместе с тем, важно было избежать схематичной картины, а которой политические институты взаимодействуют друг с другом вне зависимости от конкретных обстоятельств, иными словами, не попасться в ловушку устойчивых форм, стройно марширующих по страницам истории (и диссертации) согласно выявленным закономерностям (и воле исследователя). Для всесторонней характеристики принципов и динамики развития системы престолонаследия и государственного управления в Султанате мамлюков было необходимо разглядеть за фасадом политических институтов, явлений и процессов *живого человека*, действующее лицо, личность с определенным набором норм и ценностей, стремлений и амбиций, формирующихся под воздействием социокультурной среды, объективных и субъективных факторов, включая даже такие как возраст, влияние членов семьи или болезнь.

Теоретическую основу использования антропологического метода составила теория исторического синтеза, большой вклад в развитие которой был внесен А.Я. Гуревичем,³ и выдвинутое В.Д. Плаховым положение о том, что отношения между индивидами образуют начальную ступень сложной, разнохарактерной и многоуровневой системы отношений между отдельными группами и слоями общества и, соответствующим образом, влияют на эту систему.⁴

Впрочем, уделяя внимание отдельным личностям и индивидуальным особенностям их поведения, автор представленной к защите работы не замыкался на «персональной» истории, но стремился к комплексному анализу факторов, определявших социально-политические отношения в Султанате мамлюков. Использование всей группы упомянутых выше методов – системно-структурного, конкретно-исторического и антропологического соответствует представлению о многомерности истории,⁵ стремлению приблизить историческую реконструкцию к исторической действительности, в которой постоянно взаимодействуют субъективное и объективное, человек и время.

³ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Гуманитарная книга, 2014.

⁴ Плахов В.Д. Традиции и общество: Опыт философско-социального исследования. М.: Мысль, 1982, с. 18–19.

⁵ См. Келле В.Ж. Идея многомерности в познании социальной реальности // Серия “Symposium”, Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Выпуск 12 / К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Санкт-Петербург, 2001, с. 53.

К числу методологических концепций, использованных в работе, относится предложенная М. Вебером типология власти, включающая рациональный, традиционный и харизматический тип господства, а также разработанная этим ученым теория социального действия с ее особенным вниманием к ценностно-ориентированному социальному поведению, основанному «на вере в безусловную — эстетическую, религиозную или любую другую — самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет».⁶ «Акторы» осуществляют свои действия, ориентируясь на значимые для них ценности, что приводит к репродукции или трансформации общества. Это положение веберовской теории было особенно важно для диссертационного исследования, поскольку одна из его задач — изучение изменений в системе государственного управления в Султанате мамлюков и выявление факторов, под влиянием которых эти изменения происходили. Решению этой же задачи способствовало использование микроисторического подхода, который позволил проследить самые малые, на первый взгляд, незначительные проявления социально-политической и культурной трансформации, имевшей место в Египте и Сирии в XV — начале XVI в.

Для характеристики этапов генезиса и эволюции нединастийной системы престолонаследия и ее особенностей был использован сравнительно-исторический метод, который позволил проанализировать существенные отличия в политических процессах, протекавших в условиях зарождения, формирования, стабилизации и кризиса этой системы, и выявить ее базовые, типологические черты.

Исследование потребовало постоянной работы с источниками, большая часть которых носит нарративный характер. Соблюдение принципа научной объективности вызвало необходимость тщательного анализа текстов с учетом специфики каждого отдельного памятника и индивидуальности его создателя, сравнения сообщений различных авторов об одном и том же событии: метод источниковедческого анализа, а также компаративный метод стали, таким образом, базовыми для подготовки работы.

Важное место в методологии исследования занял просопографический подход. Систематизация биографических сведений об эмирах, султанах, чиновниках позволила проследить эволюцию значимых ведомств (таких, например, как *вазират*), выявить существенные изменения в составе, принципах формирования и конфигурации военно-политической элиты, определить роль матримониальных и родственных связей в системе престолонаследия Бурджитов.

⁶ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990, с. 628; Его же. Вебер М. Типы господства // Личность. Культура. Общества. 2008. Вып. 1 (40), с. 36.

В целом, методология, разработанная для достижения целей исследования, носит комплексный характер, основана на хорошо зарекомендовавших себя в изучении средневековых восточных обществ традиционных методах исторической науки в сочетании с элементами теоретического количественного анализа и методами социальных наук, с приоритетным вниманием к динамизму исторического процесса, к совокупности, взаимной интеграции микро- и макроистории, взаимозависимости общества, политики, идей в противоположность статике, неподвижности и фрагментарности.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. В период правления Бурджитов в Султанате мамлюков сформировалась система нединастийного престолонаследия, степень устойчивости которой оказывала определяющее влияние на политическую ситуацию в Султанате мамлюков.

2. На этапе *формирования нединастийной системы престолонаследия (1382–1422)* политическая ситуация в Султанате мамлюков характеризовалась повышенной нестабильностью, вовлечением халифов в политическую борьбу мамлюкских эмиров, самым длительным в истории Бурджитов периодом правления султана-наследника на фоне противостояния между сторонниками восстановления династийного принципа перехода власти и эмирами, стремившимися к захвату трона вне зависимости от кровнородственных связей с семьей султана.

3. Период *стабилизации нединастийной системы престолонаследия (1422–1467)* был отмечен закреплением модели перехода власти, при которой наиболее вероятным претендентом на трон был старший эмир – *атабек*; при этом срок службы *атабеков* перед вступлением на трон увеличился, как и срок правления султанов, что обеспечивало более высокую степень устойчивости мамлюкского политического режима.

4. Тяжелая экономическая ситуация, сокращение фонда земель *икта* и государственных земель, истощение финансовых и людских ресурсов в результате эпидемий, природных катастроф и затяжных военных конфликтов во второй половине XV в. создавали предпосылки для *кризиса нединастийной системы престолонаследия (1467–1501)*. На смену модели *атабек – султан* пришел новый порядок перехода власти: первым претендентом на трон становился эмир, который занимал должности *давадара*, *устадара* и *вазира*, т.е., фактически, контролировал все финансовые ведомства в Султанате мамлюков.

5. *Завершающий период политического развития Султаната мамлюков Бурджи (1501–1517)* продемонстрировал способность нединастийной системы престолонаследия адаптироваться к изменяющейся политической и экономической ситуации. Кризисные явления в экономике, политике, армии стимулировали реконфигурацию мамлюкской политической элиты, в которой, оттесняя на второй план

армейских командиров, наиболее значимые позиции занимают эмиры, вовлеченные в работу административного аппарата, а также чиновники, пользующиеся личным доверием султана. Обратной стороной этого процесса была постепенная утрата традиционных ценностей рабов-воинов – владение искусством *фурусии*, доблесть, бесстрашие в бою, преданность хозяину и командиру, верность однополчанам и т.д., и замена их на коммерческую хватку, финансовый успех и наличие связей в высших эшелонах власти, что стало одним из факторов, способствовавших подрыву единства внутри мамлюкской корпорации, которое было залогом их политического и военного успеха.

6. Стремление султана укрепить свои собственные позиции в условиях ненаследственной передачи власти и постоянной конкуренции со стороны фракций эмиров приводило с одной стороны к распространению коррупции, с другой – к тому, что основным принципом отбора кадров становилось не столько профессиональное соответствие и личные заслуги, сколько личная преданность. Появление новых элементов в политической культуре мамлюкского сообщества оказывало влияние и на один из основных компонентов политической системы – бюрократический аппарат, сближение и даже сращение которого с мамлюкской корпорацией наблюдалось на протяжении всего бурджитского периода.

7. В условиях нединастийной системы престолонаследия особое значение для победы над соперниками и конкурентами и для последующего укрепления власти султана, приобрело подразделение тех мамлюков, которые были куплены и воспитаны им самим (*джулбан*, *муштарат*) в отличие от тех, кто вступил в отряд султанских мамлюков при прежних правителях (*караниса*). Неравное положение *джулбан* и *караниса* приводило к расколу в мамлюкской среде и оказывало негативное влияние на боеспособность армии. Подразделение собственных мамлюков султана, призванное стать его самой надежной опорой, стало основной дестабилизирующей силой в государстве и, более того, угрожало незыблемости власти султана.

8. Султаны-наследники были необходимым элементом бурджитской модели перехода власти. Непродолжительные, как правило, периоды пребывания их на престоле обеспечивали наиболее авторитетным и могущественным эмирам, претендовавшим на трон, возможность сформировать партию сторонников, выявить оппозицию, доказать свою способность к лидерству и, наконец, одержать победу над соперниками в политической борьбе или военном противостоянии.

9. Заметную роль в системе нединастийного престолонаследия у Бурджитов играли матримониальные связи с женщинами из «дома» султана. Женитьба на дочери, наложнице или вдове султана позволяла эмиру войти в довольно узкий круг привилегированной военной элиты, открывала широкие перспективы для развития карьеры, более того

считалась веским аргументом в пользу того кандидата на престол, которому посчастливилось такой брак заключить.

10. Утрата статуса защитников и несокрушимых воинов ислама постепенно разрушала авторитет мамлюков – правителей Египта и Сирии – и лишала их идеологических преимуществ в противостоянии с османами. На завершающем этапе истории Бурджитов была сделана попытка достичь сближения религиозной и светской власти через объединение понятий «султан» и «халиф».

Апробация результатов работы

Результаты исследования и основное содержание диссертации изложены в публикациях в российских и зарубежных научных рецензируемых журналах и коллективных монографиях общим объемом более 20 п.л. Важным шагом в апробации работы стали доклады диссертанта и их последующее обсуждение в международном профессиональном сообществе мамлюковедов на конференциях «Школы мамлюкских исследований» (*School of Mamlūk Studies*), которые проходили в Чикаго (США) и Бейруте (Ливан). Основные идеи и выводы, сделанные в ходе работы над диссертацией, были также представлены на российских и международных конференциях: «Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки» (Санкт-Петербург, 2007, 2011, 2013, 2015), «Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки» (Санкт-Петербург, 2017, 2019, 2021), «Ежегодная сессия петербургских арабистов» (Санкт-Петербург, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022), «Мир ислама: история, общество, культура» (Москва, 2014), Международная проблемно-методологическая конференция «Письменные памятники востока: проблемы перевода и интерпретации» (Москва, 2019, 2020), Международная проблемно-методологическая конференция «Текстология и источниковедение Востока» (Москва, 2021), Конференция арабистов «Чтения И.М. Смилянкой» (Москва, 2020, 2021), «Женщина на Востоке: история, общество, наука» (Москва, 2021), Международная научная конференция «Наследие Мирзы Казембека: история и современность» (Казань, 2013), «Конгресс Европейского союза арабистов и исламоведов» (Congress of the Union Européenne des Arabisants et Islamisants, Неаполь, Италия, 2010, Хельсинки, Финляндия, 2014), «Пятая Конференция Общества изучения средневекового Средиземноморья “Общины, образы и эмоции в средневековом Средиземноморье”» (The fifth conference of the Society for the Medieval Mediterranean “Communities, Imaginations and Emotions in the Medieval Mediterranean”, Гент, Бельгия, 2017).

Апробация материалов исследования осуществлялась диссертантом при чтении лекционных курсов и проведении семинаров в Санкт-

Петербургском государственном университете и Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

Первая глава работы открывается краткой характеристикой основных центров мамлюковедения в России и за рубежом и **обзором исследований**, использованных для подготовки диссертации.

Глубокие, специализированные исследования по истории мамлюкского периода были подготовлены Л.А. Семеновой. В своих работах, посвященных, в основном, аграрным отношениям и положению крестьянства в Султанате мамлюков, Л.А. Семенова опиралась на материалы хроник ал-Макризи (ум. в 1442 г.), Ибн Тагри Бирди (ум. в 1469 г.), ас-Сахави (ум. в 1497 г.), Ибн Ийаса (ум. в 1524 г.) и использовала доступные в середине XX в. публикации зарубежных коллег. Итоги многолетних изысканий в области социально-экономического развития Египта в XII-XVI в. подведены Л.А. Семеновой в монографии «Салах ад-Дин и мамлюки в Египте». Основные выводы, сделанные Л.А. Семеновой более полувека назад, находят подтверждение в работах современных западных исследователей. Для подготовки диссертации наиболее важными были сведения о системе землепользования и тех изменениях в соотношении земель различного статуса (*икта*‘, *ризк*, *вакф*, *мулк*), которые происходили на протяжении всего периода правления мамлюкских султанов.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук и несколько статей по мамлюкской тематике были подготовлены в 70-х гг. XX в. А.А. Хасановым. Наряду с вопросами политического устройства и административного деления, организации судопроизводства, налоговой системы, системы землепользования, развития городов в Султанате мамлюков А.А. Хасанов рассматривал историю формирования черкесской группировки в Египте и обстоятельства прихода к власти бурджитских султанов, особенности обучения молодых военных рабов, состав мамлюкского войска.

Заключительный этап истории Султаната мамлюков, связанный с противостоянием османской экспансии, нашел отражение в фундаментальной монографии Н.А. Иванова, которому также принадлежит ряд работ, важных для понимания исторического развития стран Ближнего Востока в позднее Средневековье и на рубеже Нового времени. Несколько существенных замечаний, касающихся османо-мамлюкских отношений, в том числе в сфере торговли, были сделаны С.Ф. Орешковой. Для освещения вопросов, связанных с политикой

мамлюков в Малой Азии, были использованы труды российских тюркологов и османистов Д.Е. Еремеева, К.А. Жукова, М.С. Мейера, А.Д. Новичева, И.Е. Петросян, Ю.А. Петросяна, а также профессора НАН Азербайджана Ш.М. Мустафаева.

Вопросы внешней политики Султаната мамлюков были затронуты в трудах С.В. Близнюк, научные изыскания которой посвящены истории Королевства Кипр и его отношениям с итальянскими морскими республиками в XIII–XV вв.

Ряд важных замечаний о характере власти мамлюков, роли армии в основанном ими государстве, взаимоотношениях между политической и религиозной элитами, а также о причинах поражения мамлюков в противостоянии с османами были сделаны С.А. Кириллиной, А.А. Куделиным и В.Е. Смирновым в исследованиях по истории Египта и Сирии в османский период. Значительный интерес для изучения военно-политической элиты Султаната мамлюков, особенно в бурджитский период, когда султаны и эмиры Египта и Сирии были преимущественно выходцами с Кавказа, многие из них – черкесами, представляют труды С.Х. Хотко по истории, религии, этнографии и культуре черкесов. Рукописные трактаты по военному искусству мамлюков рассмотрены в публикациях А.К. Аликберова, Д.В. Зайцевой, Е.А. Резвана. Вопросам мамлюкской геральдики, изучению памятников мамлюкского искусства посвящены некоторые публикации С.Б. Певзнера А.Д. Притулы, Д.В. Садофеева, А.Н. Тепляковой.

Основы понимания властных отношений, которые сложились в Египте в период правления мамлюкских султанов, были заложены В.В. Бартольдом в его трудах по истории ислама и халифата. Ключевые события истории бурджитского периода, обзор социально-экономического развития, отдельные аспекты культуры Султаната мамлюков, представлены в учебниках и монографиях отечественных востоковедов, посвященных истории Востока в целом, истории арабских стран, истории Египта. Труды Е.И. Зеленева по истории Египта в эпоху ислама (Средние века, Новое и Новейшее время) содержит характеристику структуры и наиболее существенных особенностей мамлюкской армии, политической системы и административного управления, а также анализ причин и предпосылок падения власти мамлюков.

В работе над диссертацией были также использованы результаты исследований российских востоковедов И.Л. Алексеева, Ф.М. Ацамба, О.Б. Большакова, В.А. Гордлевского, А.А. Игнатенко, С.А. Кириллиной, В.А. Кузнецова, Н.А. Медникова, В.В. Наумкина, В.В. Орлова, И.П. Петрушевского, А.Б. Халидова, А.Э. Шмидта по истории и теории ислама и халифата, мусульманской культуры и образования, а также работы специалиста по истории христианства на Ближнем Востоке К.А. Панченко.

Основополагающее значение для изучения источников мамлюкского периода имеют труды И.Ю. Крачковского и И.М. Фильштинского, а также «Сборник материалов...», подготовленный В.Г. Тизенгаузенем. Перевод одного из интереснейших источников бурджитского периода – описания военного похода, предпринятого мамлюками во второй половине XV в., – был выполнен З.М. Буниятовым. Некоторые вопросы источниковедения мамлюкской эпохи были затронуты в работах С.М. Бациевой, Н.А. Иванова, В.А. Кузнецова, Д.В. Микульского, А.И. Михайловой и Д.В. Фролова.

Основы мамлюковедения как отдельного, самостоятельного направления зарубежного востоковедения были заложены профессором Иерусалимского университета Д. Айалонем, опубликовавшим во второй половине XX века серию статей о мамлюкской военной и государственной организации. На основе глубокого изучения источников XIII–XVI вв. Д. Айалон реконструировал историю формирования института военного рабства, дал характеристику комплекса правил, ценностей и норм поведения, который составлял каркас мамлюкской военно-политической системы, и выдвинул тезис о том, что высшая ступень в развитии этой системы была ознаменована победами над крестоносцами и монголами, а в XIV в. начался ее упадок, ставший особенно заметным в следующем, XV в.. Ученый поставил вопрос о причинах изменений в организации государственного управления с приходом к власти аз-Захира Баркука (1392–1389; 1390–1399) и последующей заменой тюркско-кыпчакской военной элиты на преимущественно черкесскую. Важное значение для понимания причин падения власти мамлюков имеет его статья о включении Египта и Сирии в состав Османской империи. Отдельное исследование Д. Айалон посвятил использованию огнестрельного оружия в Султанате мамлюков, а в последние годы жизни работал над книгой о роли евнухов в мамлюкском сообществе.

Работы Д. Айалона по изучению истории и культуры Султаната мамлюков были продолжены его соотечественниками: постепенно сложилась израильская школа мамлюковедения, для которой характерна глубокая проработка источников, в том числе документальных и неопубликованных. Вопросы экономики и торговли Египта и Сирии в период правления мамлюков рассматривалось в трудах Э. Аштора, который выдвинул тезис (ныне оспариваемый в работах ряда современных исследователей) о том, что мамлюкская иноземная элита не была заинтересована в экономическом развитии подвластных ей территорий и ее правление, основанное на безжалостной эксплуатации, привело к разрушению некогда процветающих стран. Для подготовки диссертации были использованы результаты исследований М. Винтера по истории переходного этапа – от мамлюкского к османскому правлению – и публикации Б. Шошана по историографии, социально-экономическому и

культурному развитию Египта и Сирии в мамлюкскую эпоху. К числу исследований, наиболее полно отражающих предысторию османо-мамлюкского противоборства и события первой османо-мамлюкской войны, относится работа Ш. Хар-Эля. А. Леванони опубликовала серию статей, посвященных различным аспектам культурной и общественной жизни в Султанате. Она исследовала мамлюкскую концепцию верховной власти, обратила внимание на противоречия между различными подразделениями в мамлюкской армии и выявила значение фракционной борьбы в системе престолонаследия у мамлюков. Прекрасный знаток арабских источников XIII–XVI вв., Й. Френкель рассматривает различные вопросы политического и социокультурного развития Султаната мамлюков.

Одним из основателей европейского мамлюковедения можно по праву назвать немецкого ученого У. Хаармана, который внес значительный вклад в изучение источников, в первую очередь раннего мамлюкского периода, «мамлюкского феномена» в целом и особенно положения потомков мамлюков, «*авлад ан-нас*», их политических и экономических прав и притязаний, а также их роли в развитии культуры Султаната. Почти одновременно с ним в Соединенных Штатах работу в области мамлюкского источниковедения начал Д. Литтл. В Великобритании в середине XX в. мамлюкская тематика стала одним из главных направлений исследовательской работы профессора П.М. Холта. Его статья о структуре властных отношений в Султанате мамлюков (преимущественно в ранний мамлюкский период), опубликованная в 1975 г. до сих пор сохраняет актуальность. Изучением мамлюкских архивов в течение многих лет занимался британский ученый Д.С. Ричардс. Так было положено начало развитию современного мамлюковедения в Германии, Великобритании и США.

Один из крупнейших центров современного мамлюковедения находится в Чикаго (США), где с 1997 г. издается журнал “*Mamlūk Studies Review*”. К числу наиболее авторитетных американских специалистов по вопросам социального, экономического и политического развития Султаната мамлюков принадлежит К. Петри, в трудах которого рассмотрены вопросы, имеющие непосредственное отношение к истории Бурджитов. Несколько статей и две монографии К. Петри посвящены периоду правления султанов ал-Ашрафа Каитбая (1468–1496) и ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури (1501–1516). Изучение вакуфных документов позволило К. Петри выявить финансовые механизмы, которые оказывали существенное влияние на состояние экономики Султаната в конце XV – начале XVI в. Проблемы методологии истории Султаната мамлюков и других стран Ближнего Востока в Средние века в течение многих лет изучает профессор Р.С. Хамфрис (Университет Санта Барбары, Калифорния). Широкий круг вопросов, выходящих за рамки

мамлюковедения, был рассмотрен профессором Университета Беркли (Калифорния) А. Лапидусом в монографии, посвященной мусульманским городам в позднее Средневековье. Ему же принадлежит ряд других работ, в которых представлены различные аспекты социально-экономической и культурной жизни в Султанате мамлюков. Экономическая история, влияние природных факторов на социально-экономическое развитие Египта и стран Ближнего Востока в Средние века находятся в центре внимания американского востоковеда С. Борша. Влияние природных катастроф на демографическую и экономическую ситуацию в Султанате мамлюков исследовалось У. Такером (Университет Арканзаса). Отдельные аспекты функционирования денежной системы в Султанате мамлюков рассмотрены в статьях профессора Вашингтонского университета, специалиста по нумизматике Дж.Л. Бахараха. В публикациях профессора У. Шульца из Чикаго представлены монетарная история Египта в Средние века и критический обзор источников и исследований по этой теме. В области источниковедения и интеллектуальной истории мамлюкского периода работают американские исследователи Л. Гуо, Э. Муханна, Д. Райзман, М.Дж. Салех, А. Эгер. Османо-мамлюкским отношениям посвящены работы П. Винга, Д.Ю. Муслу, Т.Дж. Фитцджеральда.

Признанным центром мамлюкских исследований в Германии является Боннский университет. С. Конерманн, возглавляющий Институт восточных и азиатских исследований в этом университете, изучает вопросы источниковедения, политики, культуры Султаната мамлюков. В течение многих лет С. Конерманн вместе со своей коллегой, археологом Б. Уокер выступает постоянным редактором серии «Мамлюкские исследования» («Mamluk Studies»), в которой с 2012 г. публикуются индивидуальные и коллективные монографии, посвященные проблемам истории и культуры Ближнего Востока в мамлюкский период. Большая часть работ профессора Свободного университета Берлина К. Хиршлера посвящена изучению мамлюкских архивов и рукописей. Широким спектром вопросов истории, культуры, документалистики и дипломатики, взаимосвязей и пересечения проблем образования, религии и власти в Египте и Сирии в период правления мамлюкских султанов занимаются А. Фуэсс, К. Маудер, Т. Воллина, Л. Райнфандт, В. Дим и другие немецкие ученые.

Динамично развивается мамлюковедение в Бельгии. С 1992 г. в Католическом университете Лёвена и Гентском университете проходили регулярные коллоквиумы под общим названием «Египет и Сирия в фатимидскую, аййубидскую и мамлюкскую эры» («Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras»). Одним из инициаторов и создателей «Школы мамлюкских исследований» является профессор Университета Льежа признанный специалист по мамлюкскому источниковедению Ф. Боден. Ф. Боден последовательно занимается изучением наследия Таки

ад-Дина ал-Макризи, другая тема его научных изысканий – мамлюкская дипломатика. Под руководством Ф. Бодена в 2011 г. защитила диссертацию о дипломатических связях Султаната мамлюков с Тимуридами, государствами Кара Коюнлу и Караманидами М. Деккихе (Университет Антверпена, Нидерланды). Над проблемами исторического развития Султаната мамлюков плодотворно работает международная группа ученых под руководством Й. Ван Стинбергена в Университете Гента, которая сосредоточила усилия на критическом пересмотре устоявшихся в западном мамлюковедении взглядов на становление, эволюцию и деградацию власти мамлюков в Египте и Сирии.

Во Франции мамлюковедение развивается не так активно, как в Германии и Бельгии, тем не менее именно французским ученым принадлежит несколько крупных работ в этой области. Автор раздела о «черкесском периоде» в «Кембриджской истории Египта» Ж.-К. Гарсин занимался изучением восточного средневекового города и посвятил целую монографию египетскому Кусу, рассмотрев самый широкий круг вопросов: от экономики и торговли до местного фольклора. В области исторического развития городов Сирии и Египта вел исследования А. Раймон. Вопросы семейных, матримониальных, социальных связей в среде чиновников мамлюкской администрации были изучены Б. Мартель-Туман. Она выявила стремление отдельных семейных кланов закрепить за собой контроль над той или иной сферой административной деятельности. Ж. Луазо опубликовал комплексное исследование о сообществе мамлюков, сделав попытку продемонстрировать, как формировалось это сообщество, как оно управлялось, выделить специфические черты культуры, обычаев, религиозных верований мамлюков. Вопросы военной тактики и вооружения мамлюкской армии изучает А. Зуаш.

В других странах Европы мамлюкские исследования имеют, как правило, узкую направленность. На Кипре, в Италии ученые разрабатывают материалы местных архивов и занимаются, преимущественно, коммерческими и дипломатическими контактами мамлюков со странами Восточного Средиземноморья. Большой вклад в изучение литературы и историографии мамлюкского периода внес профессор Карлова университета в Праге Р. Веселы.

Значительное внимание вопросам социально-экономического развития Султаната мамлюков уделяют представители японской школы мамлюковедения. В монографии основоположника этой школы Т. Сато, которая охватывает вопросы, связанные с производством, потреблением и торговлей сахаром на Ближнем Востоке в Средние века, особый интерес для диссертационного исследования представляют главы, посвященные деятельности крупных купеческих корпораций в Египте, их контактам с мамлюкской администрацией и непосредственно с султанами. Исследования Д. Игараши раскрывают характер и особенности системы

землепользования и налогообложения в Султанате мамлюков, а также суть финансовых реформ ал-Ашрафа Каитбая, дают материал для изучения причин тех изменений в политической и административной структуре Султаната, которые произошли под влиянием этих реформ. Основное внимание Н. Накамачи сосредоточено на истории и историографии бахритского периода, вместе с тем, замечания этого автора о составе мамлюкского войска актуальны и для периода правления бурджитских султанов.

Большой интерес ученых Европы и Северной Америки вызывает мамлюкская культура во всех ее проявлениях: от военного искусства до образцов каллиграфии. В работе были использованы материалы, подготовленные Д. Беренс-Абусейф, Дж.М. Блумом, Я. Добровольским, Н. Раббатом, Б. Уокер, которые занимались проблемами мамлюкского искусства и архитектуры, различными аспектами социокультурного развития Султаната мамлюков в целом на основе как письменных источников, так и материалов археологических изысканий. Признанным специалистом в области культуры и социального развития Ближнего Востока в мамлюкский период является Дж. Берки. Наряду с другими публикациями, ему принадлежит фундаментальная монография, посвященная системе мусульманского образования в Каире в Средние века. Поддержка и покровительство, которое получали суфийские ханаки и другие религиозные институты со стороны мамлюкской элиты, стали предметом пристального внимания А.Ф. Бродбридж, Л. Фернандес, Х. Халленберг и Т.Э. Хомерина.

Важную роль в развитии мамлюковедения на Ближнем Востоке играют Американские университеты в Каире и Бейруте, где работают как арабские ученые, так и специалисты из США и Европы. Народные движения и протесты в Султанате мамлюков Бурджи стали предметом исследований А. Элбендари (Каир, Египет). Работы, посвященные финансам и коммерции в Египте в период правления мамлюков Бурджи, принадлежат ученому из США Д. Мелю, который в течение многих лет преподает в Американском университете в Бейруте. Д. Мелой обратил внимание на попытки султана ал-Ашрафа Барсбая (1422–1438) установить контроль над торговлей специями, указал на негативное влияние взимания платы за защиту и покровительство (*хима́йа*) на экономику государства мамлюков. Многолетние исследования Д. Мелоя подытожены в монографии о месте и роли Мекки в экономике и политике Султаната мамлюков. Предшественником Д. Мелоя в некоторой степени можно назвать Р.Т. Мортела из Университета Короля Сауда в эр-Рияде. Р.Т. Мортел опубликовал несколько работ на английском и арабском языках по истории Хиджаза в Средние века, в том числе и в мамлюкский период.

Значительный вклад в изучение документов и нарративных источников мамлюкского периода, а также социального, экономического, политического и культурного развития Египта и Сирии в XIII–XVI вв. внесли арабские ученые. Монографии по источниковедению мамлюкского периода и истории Египта в исламскую эпоху были опубликованы Мухаммадом ‘Али и Мухаммадом ‘Инаном. Исследованием, каталогизацией и публикацией архивных документов занимались Мухаммад Мухаммад Амин и Ахмад Фуад Мутавалли. Значение их трудов состоит, прежде всего, во введении в научный оборот новых и, как правило, труднодоступных источников.

Во второй половине XX в. серию публикаций, посвященных мамлюкской эпохе, подготовили Са‘ид ‘Абд ал-Фаттах ‘Ашур, Ибрахим ‘Али Тархан, ‘Абудх Касим Касим, которым удалось обобщить и компактно представить обширный материал некоторых памятников нарративного характера. Внешняя политика мамлюкских султанов стала предметом научных изысканий Мухаммада ‘Абд ал-Гани ал-Ашкара, Фа‘ида Хаммада Мухаммада ‘Ашура, Мухаммада Ахмада Духмана, Навийи Махмуд Мустафа. Обзор политической и социальной истории, отдельных аспектов экономики и культуры Султаната мамлюков представлен в публикациях Имана Мустафы ‘Абд ал-‘Азима, Ахмада ‘Абд ар-Разика, Хасана Ахмада ‘Абд ал-Джалила ал-Батави, Ахмада ас-Сайида Дарраджа, Джасима Мухаммада Джасима Мухаммада, Хамуда ан-Наджида, Махмуда Са‘да, Джирджиса Фаузи, Мухаммада ал-Хабиба ал-Хилы, Мухаммада Бакира ал-Хусайни, Исма‘ила аш-Ширбини.

Экономическая, социальная, культурная и религиозная жизнь в египетской деревне мамлюкской эпохи представлена в монографии египетского ученого Маджди ‘Абд ар-Рашида Бахра. Роль бедуинов в политической жизни Египта при Аййубидах и мамлюках осветил Махмуд ас-Саййид.

Работы по военному делу и вооружению мамлюков, специфике организации мамлюкской армии и мамлюкского сообщества были подготовлены Набилем Мухаммадом ‘Абд ал-‘Азизом, Ахмадом ‘Абд ар-Разиком, ас-Саййидом ал-Баззом ал-‘Арини.

Отдельное направление в арабской историографии мамлюкского периода составляют исследования в области локальной истории. Арабскими учеными были подготовлены серьезные, хорошо фундированные работы по истории провинции аш-Шаркийя (Мухаммад Фатхи аш-Ша‘ир), Иерусалима и областей, расположенных к востоку от Иордана (Йусуф Дарвиш Гаванима), Карака (Хасан Ахмад ‘Абд ал-Джалил ал-Бахит), Триполи (Ильяс ал-Каттар), Мекки (Лайла Амин ‘Абд ал-Маджид).

Развитию культуры и образования в мамлюкскую эпоху посвящены исследования Хайят Насир ал-Хаджжи и ‘Абд ал-Басита Бадра. *Улемы*

как особая социальная группа рассматривались в трудах Хасана ал-Батави и Ахмада Мухаммада Хайкала. Двухтомное описание *ханак* Египта подготовил 'Асим Мухаммад Ризк. Очень серьезную работу о положении иудеев в Султанате мамлюков опубликовала в 1999 г. Махасин Мухаммад ал-Ваккад, которая использовала в своем исследовании как нарративные, так и документальные источники (ряд документов Каирской генизы в переводе на арабский язык размещены в приложении к ее монографии).

Богатая источниковая база и настоящий бум мамлюковедения в последние два-три десятилетия имеют «оборотную сторону»: чем глубже ученые проникают в отдельные вопросы социальной, экономической, культурной, политической жизни Султаната мамлюков, тем более сложной и трудноразрешимой становится задача представить социальную, экономическую, политическую историю бахритского или бурджитского периода в целом. Действительно, при всем обилии исследовательской литературы по мамлюковедению на европейских языках до сих пор не было издано ни одной монографии, охватывающей всю историю бурджитского периода. Наиболее глубокую проработку в исследованиях российских и зарубежных историков получили периоды правления султанов ал-Ашрафа Барсбая, ал-Ашрафа Каитбая и ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури, на первый из которых приходится завоевание Кипра и установление монополии на торговлю пряностями (Мухаммад 'Абд ал-Гани ал-Ашкар, С.В. Близнюк, Н. Куреас, С. Ван Ньювенхайзе, Й. Ван Стинберген), а на два последних – финансовые реформы и военные конфликты с османами (Д. Айалон, М. Винтер, Мухаммад Ахмад Духман, Н.А. Иванов, Д. Игараши, Навийа Махмуд Мустафа, Ш.М. Мустафаев, Д.Ю. Муслу, Ахмад Фуад Мутавалли, К. Петри, Ш. Хар-Эль). Публикации арабских коллег, посвященные политическому развитию Султаната мамлюков в бурджитский период, носят, в основном, обзорный характер. Большей глубиной отличаются труды по социально-экономической истории, а также работы, посвященные локальной истории (прежде всего, речь идет о монографиях 'Абдуха Касима Касима, Мухаммада Фатхи аш-Ша'ира, Йусуфа Дарвиша Гаванимы, Лайлы Амин 'Абд ал-Маджид).

Специфический характер перехода власти в период правления бурджитских султанов отмечают едва ли не все исследователи, работы которых хоть сколько-нибудь касаются политических отношений или мамлюкской элиты. Исследования отдельных элементов сформированной Бурджитами нединастийной системы престолонаследия и принципов их взаимодействия, подготовленные Д. Айалоном, Х. Зивертом, С. Конерманном, А. Леванони, Й. Ван Стинбергенем, П.М. Холтом, У. Хаарманом и другими учеными позволили вплотную подойти к решению задачи всестороннего изучения этой системы и выявления ее характерных особенностей, определить то влияние, которое она оказывала на специфику политической борьбы в Султанате мамлюков Бурджи.

Для исследования структуры государственного управления Султаната мамлюков Бурджи, форм, принципов и динамики взаимодействия мамлюкской политической элиты с административными институтами и социальными группами Египта и Сирии, выявления наиболее значимых изменений в политической административной структуре Султаната мамлюков в период правления мамлюков Бурджи существенное значение имели исследования Д. Игараши, Б. Мартель-Туман, К. Петри, Л.А. Семеновой, А.А. Хасанова. Исследование особенностей взаимосвязи светской и религиозной власти в Султанате мамлюков Бурджи базировалось на работах М. Банистера, В.В. Бартльда, Е.И. Зеленева, К. Маудера.

Мамлюкская эпоха, в том числе бурджитский период истории Султаната мамлюков, нашла отражение в многочисленных нарративных **источниках**, обзор которых завершает первую главу диссертации.

Документальную базу исследования составляют две качественно различные группы текстов. Первая включает в себя собственно архивные документы, вторая – копии документов, включенные в тексты нарративных источников. Для подготовки диссертации использовались опубликованные документы, отражающие деятельность различных ведомств мамлюкской административной системы, фиксирующие случаи нападения бедуинов, имеющие отношение к системе провинциального управления в Султанате мамлюков, касающиеся торговых и дипломатических связей Султаната мамлюков с Венецией, Генуей, Флоренцией, а также отношений с османами.

Наиболее изученным видом архивных документов периода правления мамлюков в Египте и Сирии являются вакуфные договоры, или свидетельства. К числу неопубликованных и ранее не исследованных вакуфных документов мамлюкской эпохи, использованных для работы над диссертацией, относится *вакфийа* султана аз-Захира Кансуха (1498–1500), датирующаяся 908/1502 г. и хранящаяся в настоящее время в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Документальные свидетельства, касающиеся деятельности аз-Захира Кансуха в отличие от других султанов, например ал-Ашрафа Инала или ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури, вакуфные документы которых насчитываются десятками и хорошо известны мамлюковедам, до сих пор не были введены в научный оборот. Особенно примечательно то, что *вакфийа* аз-Захира Кансуха была составлена уже после того, как этот султан с довольно необычной даже для Бурджитов судьбой был вынужден покинуть трон. Уникальный документ содержит подробное описание объектов, которые передавались в *вакф*, а также, что еще более важно для диссертационного исследования, перечень лиц, которые должны были получать регулярные выплаты согласно *вакфийе*.

Помимо подлинных документальных свидетельств мамлюкской эпохи в работе были использованы копии документов, которые помещали в тексты своих сочинений авторы *энциклопедий* и специальных сборников, составленных секретарями и чиновниками, служившими в различных административных ведомствах. Одним из хорошо известных памятников такого характера является «Пьянящий напиток искусства стиля» (*Qahwat al-Inshāʾ*) Ибн Хиджжи ал-Хамави (ум. в 1434 г.), в который включены полные тексты писем и документов, составленных для канцелярии султана. К числу неопубликованных сборников дипломатической корреспонденции мамлюкского периода относятся анонимное «Сияние для наблюдающих и отрада для редких» (*Zuhrat al-Nāẓirīn wa Nuzhat al-Nādirīn*) и известная под условным названием «*Choix de lettres pour servir de modèles aux amateurs qui cultivent le style épistolaire*» рукопись из Национальной библиотеки Франции.

Характерной чертой египетской литературы мамлюкского периода является активное развитие жанра энциклопедий, в которых обобщались и суммировались материалы по различным областям знания. В работе были использованы сочинения этого жанра, принадлежащие перу ан-Нувайри⁷ (ум. в 1332 г.) и ал-Калкашанди (ум. в 1418 г.). Описание государственного устройства и базовых принципов работы бюрократического аппарата, вакуфного и военного ведомств в Султанате мамлюков содержится в трактатах Халиля б. Шахина аз-Захири (ум. в 1468 г.) и Мухаммада ал-Асади (XV в.), Ибрахима ат-Тарабулуси (ум. в 1416 г.), Абу Хамида ал-Кудси (ум. в 1483 г.).

Несмотря на то, что в энциклопедиях и других сочинениях, специально посвященных административному устройству и структуре власти, содержатся подробные, хорошо упорядоченные сведения о системе государственного управления в Султанате мамлюков, для диссертационного исследования большее значение имели *исторические хроники и биографические словари*, поскольку их материал позволяет увидеть не статичную, нормализованную картину, а то, как «идеальная» система, представленная в учебнике или справочнике для чиновника, выглядела на практике, как в действительности взаимодействовали те или другие ведомства, какие изменения происходили в государственном управлении и структуре властной элиты Султаната на протяжении всего бурджитского периода.

Основными источниками для подготовки диссертации стали труды ал-Макризи, Ибн Хаджара (ум. в 1449 г.), Ибн Тагри Бирди, ал-Бика'и (ум. в 1480 г.), ас-Сахави, ал-Малати (ум. в 1514 г.), Ибн Ийаса, оставивших

⁷ Несмотря на то, что энциклопедия ан-Нувайри относится к бахритскому, а не к бурджитскому периоду истории мамлюков, для диссертационного исследования она представляла существенный интерес, поскольку содержит информацию о государственно-административной системе, на основе которой получили дальнейшее развитие мамлюкские политические институты в XIV-XVI вв.

подробные и последовательные описания событий бурджитского периода мамлюкской истории. Материал этих источников был дополнен сведениями, которые содержатся в исторических сочинениях Ибн Халдуна (ум. в 1406 г.), ал-‘Айни (ум. в 1451 г.), Ибн ал-Фурата (ум. в 1405 г.), ас-Сайрафи (ум. в 1495 г.), Ибн ал-Химси (ум. в 1527 г.), ас-Суйути (ум. в 1505 г.).

Вторую группу источников историко-биографического характера составляют сочинения, посвященные правлению отдельных султанов, локальной истории, дневниковые записи, трактаты о тех или иных знаменательных событиях конца XIV – начала XVI в., хроники и биографические словари османского периода.

События периода правления аз-Захира Баркука освещены в «Сияющей жемчужине...» (*al-Durrah al-muḍī’ah fī al-Dawlah al-Zāhirīyah*) Мухаммада б. Ибн Сасры (конец XIV в.) и пока неопубликованной «Книге жемчуга...» (*Kitāb al-Durr al-naḍīd fī manāqib al-Malik al-Zāhir Abī Sa’īd*) неизвестного автора, а также «Драгоценной жемчужине...» (*al-Jawhar al-Thamīn fī Siyar al-Mulūk wa-al-Salāṭīn*) и «Триумфе...» (*al-Intiṣār li-Wāsiṭat ‘Iqd al-Amṣār*) Ибн Дукмака (ум. в 1407 г.). Короткому периоду правления ан-Насира Мухаммада (1496–1497; 1497–1498) посвятил свое сочинение (*al-Badr al-Zāhir fī Nuṣrat al-Malik al-Nāṣir Muḥammad ibn Qāyṭbāy*) ‘Афиф ад-Дин Ибн Шихна (ум. в 1504-1505 или 1510-1511 г.).

К периоду правления ал-Ашрафа Каитбая относится создание двух памятников, каждый из которых целиком посвящен описанию только одного из фрагментов истории Бурджитов второй половины XV в.: первый – поездке султана в Сирию, второй – военному походу под командованием эмира Йашбека (ум. в 1480 г.). Авторы сочинений, Абу-ль-Бака’ б. Йахйа Ибн аль-Джи‘ан (ум. в 1496 г.) и Мухаммад ал-Халаби, более известный как Ибн Аджа (ум. в 1476 г.) были непосредственными участниками событий, о которых они повествуют.

Локальная история представлена в трудах ал-Хисбани (ум. в 1413 г.), Ибн Бухтура (ум. в 1436 г.), Ибн Кади Шухбы (ум. в 1448 г.), Ибн Фахда (ум. в 1480 г.), Мухибб ад-Дина Ибн аш-Шихны (ум. в 1485 г.), ал-Бусрави (ум. в 1500 г.), Ибн Тулуна (ум. в 1546 г.), Ибн Сибата (ум. после 1520 г.), Муджир ад-Дина ал-‘Умари ал-Макдиси ал-‘Улайми (ум. в 1521-1522 г.).

Дневниковые записи за более, чем двадцать лет – с 885/1480 по 908/1502 г. оставил судебный служащий из Дамаска, Шихаб ад-Дин Ахмад Ибн Таук (ум. в 1509 г.).

К хроникам и биографическим словарям, созданным в османский период, относятся сочинения Ибн Зунбула (ум. в 1552-53 г.), ал-Лахми (ум. после 1517 г.), ал-Карамани (ум. в 1611 г.), ал-Газзи (ум. в 1651 г.), Ибн ал-‘Имада (ум. в 1679 г.).

Для подготовки диссертации были также использованы *трактаты по военному искусству, теории джихада, родословию мамлюков* и отдельные *литературные произведения* мамлюкского периода.

Еще одну группу источников составляют *записки русских и европейских путешественников, паломников и богомольцев*, посетивших Египет, Сирию, Палестину в конце XIV – начале XVI в.

Сопоставление сведений, которые дают базовые источники (там, где это возможно), привлечение наряду с многотомными хрониками и биографическими словарями источников «второго плана» - сочинений, посвященных правлению отдельных султанов, локальной истории, «малых» хроник, охватывающих только несколько лет бурджитской истории стало одним из основных принципов в работе с источниками. Не менее важным было и то, что к работе удалось привлечь сочинения представителей разных слоев общества – военной аристократии и мамлюков невысокого ранга, *улемов*, чиновников, а также авторов, которые наблюдали за событиями политической истории (или даже были их участниками) не только из столицы, Каира, но и из других городов и провинций, находившихся на территории Султаната. Решению одной из главных проблем, с которой сталкивается любой исследователь, работающий с источниками нарративного характера, – искажением материала под влиянием субъективных факторов, – способствовало привлечение документальных источников и максимально широкий охват разнохарактерных и разноплановых сочинений, созданных в мамлюкскую эпоху или сразу после ее завершения.

Первый параграф (*«Государство мамлюков, мамлюкское сообщество и мамлюкская военно-политическая иерархия»*) **второй главы («Установление власти бурджитских султанов и закрепление новых принципов престолонаследия (1382–1424)»**) носит обзорный характер и включен в текст диссертации как необходимое введение в политическую историю мамлюков Бурджи, в котором даны базовые сведения о государстве мамлюков, мамлюкском сообществе и мамлюкской военно-политической иерархии. В следующих трех параграфах (*«Приход к власти мамлюков Бурджи. Султан аз-Захир Баркук»*, *«Политический кризис в период правления ан-Насира Фараджа»*, *«Ал-Му'аййад Шайх и аз-Захир Татар. Становление новой системы престолонаследия»*) представлено исследование периода формирования нединастийной системы престолонаследия и его ключевых событий.

Свержение династии Калаунидов (1279–1382) и переворот, осуществленный аз-Захиром Баркуком, потребовали укрепления государственных институтов Султаната мамлюков, в котором наряду с султаном-главнокомандующим существовала и другая ветвь власти – теократическая во главе с халифом из рода Аббасидов. Нарушив устоявшийся порядок престолонаследия, аз-Захир Баркук эффективно

использовал идею передачи светской власти от халифа султану, обеспечил переход ведущих позиций в армии и государстве к черкесской группировке и подготовил почву для реализации в новых условиях опыта первых мамлюкских султанов, которые получали власть не по праву родства, но как харизматичные лидеры, легитимность правления которых была подтверждена согласным решением мамлюкских командиров.

В период правления ан-Насира Фараджа (1399–1405; 1405–1412) развернулась жестокая борьба фракций мамлюкских эмиров. Вопрос о том, сохраняют ли Бурджиты династийный принцип престолонаследия, оставался открытым. Однако, события, последовавшие за смертью аз-Захира Баркука, ал-Му'аййада Шайха (1412–1421) и остававшегося у власти всего несколько месяцев аз-Захира Татара (8 августа – 11 ноября 1421 г.), показали, что черкесские мамлюки, вдохновленные примером аз-Захира Баркука, уже не были готовы мириться с правлением султана, занимавшего трон только по праву родства. Сам ал-Му'аййад Шайх и его сторонники продемонстрировали, что законный наследник может быть смещен и, более того, физически уничтожен. Так завершился переломный период в переходе от престолонаследия, основанного на династическом начале, к новым способам установления верховной власти, в ходе которого наметились важнейшие тенденции политического и государственного развития Султаната мамлюков: выдвижение на самые влиятельные позиции в мамлюкской военно-политической верхушке эмиров, связанных матримониальными узами с «домом» султана, и проникновение представителей немамлюкского, гражданского населения в высшие эшелоны власти. Еще одним признаком начального этапа формирования новой системы престолонаследия были частые смуты и мятежи, которые приводили к свержению правящих султанов и широкомасштабным военным действиям между оппозицией и частями мамлюкской армии, выступавшей на стороне правителя.

Серьезный удар экономике султаната, который привел к разрушению хозяйственной жизни, в первую очередь, в Сирии, и катастрофическим последствиям для всего Султаната, был нанесен вторжением войск Тимура (1336–1405). Разорение Сирии монгольскими войсками и эпидемии чумы приводили к сокращению численности населения и, как следствие, сокращению налоговых поступлений в казну. Негативные явления в экономике Султаната сказывались на снабжении армии. Изменения в условиях содержания и воспитания мамлюков, которые ввел аз-Захир Баркук и продолжил ан-Насир Фарадж, создавали предпосылки для постепенного упадка системы военного образования. «Граница» между эмирами и улемами теряла свойство абсолютной непроходимости, что, в свою очередь, неизбежно приводило к изменениям в системе формирования и функционирования государственных институтов.

Третья глава работы посвящена исследованию периода **стабилизации политической системы (1422–1467)**. Относительная устойчивость политического режима с одной стороны, и негативные последствия кризисных явлений первого этапа правления Бурджитов с другой создавали предпосылки для роста имперских амбиций мамлюкских султанов. В первом параграфе (*«Джихад султана ал-Ашрафа Барсбая и монополизация торговли»*) рассмотрена внешняя политика ал-Ашрафа Барсбая с ее основными направлениями – Кипр, южная Анатолия, Хиджаз, а также установление монополий и контроля над торговлей специями. Завоевательные походы ал-Ашрафа Барсбая вернули мамлюкам былую славу *воинов джихада* и укрепили их авторитет на региональном уровне, но в экономическом отношении не принесли значительных дивидендов. Добыча, полученная в результате победы на Кипре, дала ал-Ашрафу Барсбаю возможность решить первоочередную задачу снабжения войска, но для строительства и модернизации флота, который мог бы стратегически обеспечить безопасность торговли и осуществление имперской политики в средиземноморском направлении, ресурсов уже не хватало. Временный характер носили и успехи в торговле: действия с позиции силы в сфере коммерции оказались неэффективными. Установление монопольных цен на пряности и ряд других товаров, в целом, приводило к стагнации и сокращению объемов внешней торговли, ограничило динамику и рост внутреннего рынка. Давление со стороны мамлюкских султанов вынуждало европейских купцов искать новые торговые пути.

При аз-Захире Джакмаке (1438-1453) мамлюки, совершив несколько походов на Родос, которые не принесли им ни славы, ни добычи, перешли от военных действий, направленных на расширение подконтрольных территорий, к обороне (§ 2 *«Основные направления внутренней и внешней политики Султаната мамлюков в период правления аз-Захира Джакмака»*). Нападения *франков* продолжали наносить ущерб международной торговле и мамлюкским гаваням на Средиземном море. Сокращение поступлений в казну вело к росту социальной напряженности, которая усугублялась рядом природных катастроф, обрушившихся на Египет на рубеже 40-х и 50-х годов XV в. Приоритетными направлениями внутренней политики аз-Захира Джакмака были укрепление центральной власти и контроль за деятельностью государственного аппарата. Политическое развитие Султаната мамлюков привело к становлению политического порядка, в котором власть носила характер нединастической гегемонии корпорации мамлюков с опорой на обширный бюрократический аппарат. Бюрократизация государства создавала благоприятную почву для распространения коррупции. Помимо жесткого контроля за деятельностью административного аппарата Джакмак

опробовал еще один путь борьбы со злоупотреблениями чиновников – замену гражданских служащих на мамлюков.

В последнем параграфе третьей главы («*Ал-Ашраф Инал и аз-Захир Хушкадам: две модели формирования политической элиты*») представлено исследование стратегии султана ал-Ашрафа Инала (1453–1461), направленной на основание династии, и возвращение к нединастийному принципу перехода власти при султанах аз-Захире Хушкадаме (1461–1467). Ал-Ашраф Инал последовательно осуществлял план передачи власти своему сыну, постепенно отстраняя от управления государством мамлюкских командиров. Наследник ал-Ашрафа Инала, ал-Му'айяд Ахмад (25 февраля – 28 июня 1461 г.), фактически перешел к единоличному правлению, оставил эмирам роль исполнителей его воли, удалив их от процесса принятия политических решений. Несмотря на то, что вполне взрослый, энергичный, уравновешенный и вдумчивый ал-Му'айяд Ахмад – отважный воин и благочестивый мусульманин – был идеальным кандидатом на роль преемника, он был свергнут с престола еще быстрее, чем все его предшественники, получившие трон по наследству. События, связанные со смещением ал-Му'айяда Ахмада, как и вся краткая история его правления, стали свидетельством того, что в Султанате бурджитских мамлюков окончательно утвердилась модель нединастийного престолонаследования и принципы управления, согласно которым старшие эмиры имели, как минимум, право совещательного голоса, а султан должен был принимать в расчет их мнение. Отступление от этого принципа оказалось неприемлемым даже для тех представителей политической верхушки, которые занимали высокие и престижные должности и, казалось бы, имели все основания поддержать молодого султана.

Аз-Захир Хушкадам вернул управление султанатом к бурджитским политическим традициям и более последовательно, чем другие султаны претворял в жизнь «мамлюкский политический идеал»: принимал советы старших эмиров, поддерживал *однополчан (хушдашей)*, воспитывал молодых мамлюков, решительно, но с разумной степенью осторожности устранял соперников.

Период правления султанов ал-Ашрафа Барсбая, аз-Захира Джакмака, ал-Ашрафа Инала и аз-Захира Хушкадама был отмечен относительной стабильностью внутривластной ситуации, в первую очередь, благодаря тому, что механизм перехода власти приобрел устойчивый характер: непродолжительные периоды правления наследников эмиры использовали для формирования коалиций, их лидеры приходили к консенсусу и выдвигали кандидатуру следующего султана (им, как правило, становился *атабек*), затем следовало быстрое смещение наследника-временщика. При исправном функционировании такой модели вооруженные столкновения между фракциями и выступления оппозиции

удавалось купировать в очень короткий срок. Быстрое и практически бескровное смещение наследника ал-Ашрафа Инала, сделавшего попытку отступить от принципов формирования политической элиты, основанных на специфической традиционной системе ценностей мамлюков, в которой связи между членами одной группы, занимали более высокое место, чем родственные узы, только подтвердило устойчивость новой системы перехода власти.

Четвертая глава «Наращение внешней угрозы и кризис мамлюкской государственности (1467–1501)» охватывает период, большая часть которого приходится на правление одного из самых известных мамлюкских властителей – ал-Ашрафа Каитбая, прославившегося военными победами и величественными постройками, которые до сих пор украшают города Египта, Сирии, Палестины. Между тем, именно в этот период сокращение фонда земель *икта* и государственных земель, истощение финансовых и людских ресурсов в результате эпидемий, природных катастроф и затяжных военных конфликтов, а также сама феноменальная продолжительность правления этого султана создавали предпосылки для кризиса бурджитской нединастической модели перехода власти.

Первый параграф посвящен изучению *социально-экономического развития Султаната мамлюков в период правления султана ал-Ашрафа Каитбая*. Ал-Ашраф Каитбай предпринял целый ряд мер, чтобы аккумулировать максимальное количество финансовых средств и собственности под контролем центральной власти. По сути, речь шла о реорганизации финансовой системы, в которой должны были доминировать два принципа – централизация и полный контроль, основанный не на создании соответствующих бюрократических структур, а на личных связях. Растущее политическое влияние стали приобретать эмиры-администраторы, различного рода управляющие, в ведении которых находилось имущество и финансы султана. Необходимость реформ во многом была обусловлена спецификой борьбы за власть в условиях нединастийной системы престолонаследия: испытывая постоянное, скрытое или явное давление со стороны фракций эмиров, султан стремился создать максимально большой и боеспособный корпус собственных мамлюков, что требовало значительных финансовых затрат, поэтому на протяжении всего предшествующего периода правления Бурджитов наблюдался постепенный отток средств и подконтрольных земельных наделов из казны государственной в личную казну султанов. Непосредственной причиной немедленных и самых решительных действий по реструктуризации финансовой системы стала скудость ресурсов, необходимых для снабжения армии, основным источником которых была именно государственная казна. С необходимостью снаряжения войска ал-Ашраф Каитбай столкнулся уже в первые дни своего правления, когда в

северную Сирию вторглись дулкадириты под предводительством Шаха Суvara (1467–1472).

Во втором параграфе четвертой главы *«Отношения с бейликами юго-восточной Анатолии. Первая османо-мамлюкская война (1485–1491)»* основное внимание сосредоточено на роли Карамана как «буферного» эмирата в постепенно нараставшем конфликте между мамлюками и османами, а также на стратегическом значении и идеологических последствиях тяжелого военного противостояния с Дулкадиром, Ак Коюнлу и Османской империей.

Наступление Шаха Суvara, его впечатляющие победы в Сирии нанесли серьезный ущерб авторитету мамлюкского султана, который оказался не в силах защитить границы своего государства и своих подданных. Изгнание дулкадиритов далось мамлюкам дорогой ценой – в прямом и переносном смысле. Не только Дулкадир, но эмиры и беи других княжеств, хотя бы формально признававшие вассалитет по отношению к египетскому султану, получили веские основания для того, чтобы усомниться в непобедимости мамлюкской армии, а главное – в могуществе своего сюзерена, от которого зависел и их собственный авторитет. Мамлюкам удалось отстоять свои территории, но «идеологические границы» Султаната, которые охватывали буферные эмираты Малой Азии, простирались до Диярбакыра и Ак Коюнлу, получили иную конфигурацию и приблизились к сирийским провинциям.

Неравное положение личных мамлюков султана – *джулбан*, и мамлюков-ветеранов – *караниса*, обострившееся на фоне длительных военных действий, создавало предпосылки для углубления раскола в армии. Материальные потери мамлюков тоже были существенными. Особенно сложная ситуация сложилась в разоренной войной Сирии, что создавало почву для распространения сепаратистских настроений. Территориальная целостность Султаната, которую с трудом удалось отстоять в войне с османами, оказалась под угрозой в условиях ослабления центральной власти после смерти ал-Ашрафа Каитбая.

В третьем параграфе *«Период политической нестабильности и борьба за власть после смерти ал-Ашрафа Каитбая (1496–1501)»* сделана попытка выявить закономерности и наиболее устойчивые паттерны в, казалось бы, хаотичной смене правителей в период с августа 1496 по август 1501 г., когда за шесть лет на мамлюкском троне побывало пять султанов.

Одним из факторов, повлиявших на кризис системы престолонаследия, в ходе которого политическое лидерство перешло от армейских командиров к эмирам, контролировавшим получение и распределение доходов казны, стала феноменальная длительность пребывания ал-Ашрафа Каитбая у власти. Рядом с султаном находились его соратники и ровесники – *атабек* Азбек (ум. в 1499 г.) и сменивший его

в 1495 г. Тамураз аш-Шамси (ум. в 1497 г.). И Азбек, и Тамураз состарились за почти тридцатилетний срок правления ал-Ашрафа Каитбая. Эти восьмидесятилетние старцы-*атабеки*, несмотря на авторитет и огромное влияние, которым они пользовались в государстве, не могли и не хотели соперничать с молодыми эмирами, создавались предпосылки для перестройки мамлюкской военно-политической иерархии: у выдвиженцев-администраторов, связанных родственными и матримониальными узами с «домом» султана, появился шанс реализовать свои политические амбиции.

Фактор времени сыграл еще одну роль в формировании новой модели перехода власти: к концу правления ал-Ашрафа Каитбая в Султанате мамлюков в силу естественных причин практически не осталось эмиров, принадлежавших к фракциям других султанов, которые были бы способны сформировать политические союзы и активно участвовать в борьбе за власть. В результате соперничество развернулось между эмирами одной фракции – мамлюками ал-Ашрафа Каитбая. Привычные механизмы создания альянсов в такой ситуации не работали. Ни одному из претендентов не удалось сформировать достаточно сильный блок, чтобы удержаться у власти, и, фактически, кризис завершился только после того, как наиболее активные и амбициозные претенденты уничтожили друг друга в кровопролитной борьбе.

Пятая глава «Падение власти мамлюкских султанов (1501–1517)» посвящена завершающему этапу истории мамлюков-Бурджитов, которым после затяжного политического кризиса, последовавшего за смертью ал-Ашрафа Каитбая, и первой войны с османами пришлось решать сложную задачу укрепления центральной власти.

Первый параграф пятой главы *«Внутренняя политика ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури»* открывается кратким очерком происхождения и биографии ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури. Затем внимание перемещается на проявление признаков перехода к авторитарному правлению. Следуя примеру своих предшественников, ал-Ашраф Кансух ал-Гури стремился поддерживать деятельность религиозных и благотворительных учреждений, более того, начал планомерный процесс сближения светской и религиозной власти. В титулатуре султана появляются слова «имам», «повелитель правоверных», «халиф». Важное место в политической идеологии мамлюкского султана приобретает поддержка суфизма. Ал-Ашраф Кансух ал-Гури сам выступает как адепт суфийского понимания ислама, как автор *«Божественных касыд»*, в которых подчеркивает, что он – бедный раб Всевышнего, но именно Всевышним дано ему право стоять во главе государства.

Взяв курс на укрепление авторитета власти, что было особенно актуально после длительного периода политических смут и конфликтов между фракциями эмиров, ал-Ашраф Кансух ал-Гури предпринял энергичные шаги для перехода к единоличному правлению и утверждению

собственной династии. Правление этого султана было прервано вторжением османов, однако ни то, как складывались взаимоотношения между султаном и его эмирами при самом ал-Ашрафе Кансухе ал-Гури, ни события, последовавшие за поражением при Мардж Дабик, не дают оснований предполагать, что военно-политическая элита Султаната была готова принять династическую идею и отказаться от права влиять на то, какие решения принимает правитель, и на то, кто будет этим правителем. Мамлюки-Бурджиты решительно отвергали наследственный принцип перехода власти, а эмиры высшего звена неуклонно отстаивали свое право участвовать в управлении государством и претендовать на престол.

К началу решающей схватки с османами, о которой идет речь в § 3 *«Султанат мамлюков на международной арене в начале XVI в. Идеологическое противостояние с османами»*, государство мамлюков постепенно утрачивало территориальное единство и международный престиж. Еще до начала битвы на Дабикском поле османы одержали верх над мамлюками в идеологической борьбе. В конце XV – начале XVI в., османы стали главным идеологическим противником мамлюков. Мехмед II (1451–1481) и его преемники активно использовали риторику джихада в своих политических интересах. Мамлюки теряли поддержку своих подданных, у которых появились не только экономические и политические, но и веские причины религиозного характера для того, чтобы выступить против своих властителей и «защитников». Джихад, как краеугольный камень величия власти мамлюков, одержавших в XIII в. решительные победы и над монголами, и над крестоносцами, в конце концов, превратился в оружие, которое с успехом стали использовать османы, объявив борьбу с мамлюками «справедливой», что позволило им привлечь на свою сторону мусульманское население Египта и Сирии.

В битве при Мардж Дабик была разгромлена армия ал-Ашрафа Кансуха ал-Гури. Попытки его преемника, ал-Ашрафа Туманбая (1516–1517), отстоять независимость Султаната мамлюков рассмотрены в § 3 *«Последние сражения с Османами. Султан ал-Ашраф Туманбай»*. Египетская казна оказалась в руках Селима I, что делало планы снаряжения нового войска практически безнадежными. Ни выработанная в ходе многочисленных мятежей стратегия борьбы за контроль над столицей, ни военная доблесть, личное мужество и настойчивость в стремлении к победе не помогли ал-Ашрафу Туманбаю сохранить власть. Как показали дальнейшие события, единственный путь, который позволял мамлюкам удержать свои позиции во властной элите Египта и избежать полного уничтожения, состоял в компромиссе с османами.

В последней, **шестой, главе** диссертации сделана попытка выявить и охарактеризовать наиболее существенные изменения, которые произошли **в системе государственного управления в Султанате Бурджи.**

В § 1 проанализированы характерные черты и особенности *порядка престолонаследия и политической борьбы в Султанате мамлюков Бурджи*. Парадокс бурджитской системы престолонаследия заключался в том, что султаны-наследники, которых раз за разом свергали эмиры-претенденты, были необходимым и очень важным ее элементом. Непродолжительные периоды пребывания на престоле султанов-наследников были нужны наиболее авторитетным и могущественным эмирам, претендовавшим на трон, чтобы сформировать партию сторонников, выявить оппозицию, доказать свою способность к лидерству и, наконец, одержать победу над соперниками в политической борьбе или военном противостоянии.

В бурджитский период довольно устойчивый в египетской и в мусульманской политической культуре (хоть и не вполне соответствующий идеалам суннитского ислама) династийный принцип престолонаследия трансформировался в своеобразную традицию выдвижения на престол нового правителя на основе как кровного родства, так и специфического «мамлюкского псевдородства» – принадлежности к той или иной фракции, члены которой с ранней юности воспитывались в «доме» одного хозяина, заменявшего им в какой-то степени отца. Эти системы «родства» с одной стороны конкурировали между собой, отражая «законные» интересы и амбиции разных поколений мамлюков, с другой стороны стремились к сближению, взаимопроникновению или «переплетению», в том числе и через матримониальные связи.

Формирование нединастийной системы престолонаследия оказало влияние на характер и способы политической борьбы в Султанате мамлюков Бурджи. Постоянное, явное или скрытое противостояние фракций, составлявшее неотъемлемую часть бурджитской системы престолонаследия, требовало от политического лидера взвешенных и обдуманных действий, способных минимизировать опасность вооруженных столкновений. Наиболее продуктивной в этом отношении была стратегия, направленная на осторожное удаление оппозиции, рассчитанные, точные и быстрые удары по наиболее опасным соперникам, умеренное поощрение лояльных администраторов и командиров и, самое главное, укрепление собственной группировки мамлюков.

Закрепление нединастийного принципа создавало предпосылки для качественных сдвигов в составе мамлюкской армии и постепенной трансформации военно-административной системы султаната, результаты исследования которых нашли отражение в материалах следующего параграфа *«Военно-политическая и административная элита в условиях нединастийной системы престолонаследия»*. На протяжении всего бурджитского периода происходят постепенные изменения в качественном составе армии. Повторяющиеся эпидемии чумы, вооруженная борьба мамлюкских фракций, военные походы на Кипр, Родос и в Малую Азию,

наконец, во второй половине XV в. война с османами приводят к необходимости заменять выбывший контингент новобранцами, обучение и воспитание которых зачастую проходит «по сокращенной программе». Вторым немаловажным фактором, повлиявшим на состав армии султаната, стала активная вовлеченность высших офицеров в работу административного аппарата в конце XV в. Эмиры начинают занимать должности, которые традиционно считались прерогативой «людей пера», более того, именно эти мамлюки-чиновники приобретают наибольшее политическое влияние и становятся первыми претендентами на престол, оттесняя на второй план армейских командиров.

Наиболее влиятельные посты в мамлюкской администрации становятся объектом конкуренции, в которой участвуют как целые кланы потомственных чиновников, так и фракции, которые формируются отдельными бюрократами. Конкуренция чиновников, за которыми стояли семьи или группы сторонников-единомышленников, была не менее существенной чертой социально-политической жизни султаната, чем борьба эмиров и возглавляемых ими фракций. Кланов крупных чиновников, как правило, были связаны с эмирами высшего звена или самим султаном либо семейными узами, либо через отношения покровительства и патронажа. Так военная и гражданская администрация постепенно переплетаются, «прорастают» друг в друга за фасадом официальных ведомств и должностей.

Связующим звеном между строго обособленной чужеродной военной элитой и гражданским населением в Султанате мамлюков, по крайней мере, в сфере идеологии, служила религия, а фигура халифа при дворе султанов была символическим выражением единства *уммы*, особенно важного в условиях нашествия крестоносцев и монголов. В третьем параграфе шестой главы «*Религиозные институты и суд*» рассмотрена роль аббасидских халифов и мусульманских образовательных учреждений в социально-политической жизни Султаната мамлюков, а также характерные особенности судебной системы Египта и Сирии в бурджитский период. Легитимность власти мамлюкских султанов подтверждалась инвеститурой аббасидских халифов. Присяга, или договор, между халифом и султаном обеспечивали формальное решение вопроса о соответствии любых методов правления и решений, принимаемых мамлюкским правителем, мусульманской законности. Укреплению авторитета власти должно было способствовать непосредственное участие султана в судебных разбирательствах по делам *мазалим*, которые решали важную идеологическую задачу: рассматривая тяжбы и жалобы, султан выступал как истинный поборник справедливости и соблюдения шариата, а значит – как защитник своих подданных и подлинно законный правитель.

При мамлюках-Бурджитах система немамлюкского исламского образования вступила во взаимодействие с системой мамлюкских военных школ и привела к социальной диффузии образованных немамлюков с мамлюками: немамлюки, получившие образование и доказавшие свою лояльность, могли сделать карьеру в мамлюкском бюрократическом аппарате, получить высокий статус преподавателя в мамлюкском «доме», а некоторые мамлюки примыкали к образованным мусульманам, получая титулы *факихов*. Активное участие *улемов* в работе государственного аппарата, их сближение с военной верхушкой, а с другой стороны, деятельная роль султана и, в ряде случаев, высших эмиров в судебной системе, отражали практическое сближение религиозной и светской власти.

Основание религиозных и образовательных центров в условиях постоянной конкурентной борьбы между эмирами, служило немаловажным средством легитимизации политических притязаний учредителя, а также укрепления его личного авторитета как в мамлюкском сообществе, так и за его пределами. Продвижение в мамлюкской политической иерархии и закрепление достигнутых позиций зависело, в первую очередь, от поддержки мамлюков, но симпатии невоенной элиты – чиновников, судей, *улемов* и *шейхов* также имели значение в сложных перипетиях борьбы за власть в Султанате.

Создание видимых, материальных памятников – величественных зданий мечетей и усыпальниц, *медресе* и суфийских обителей – позволяло мамлюкам утвердиться и «пустить корни» в изначально чуждом социокультурном пространстве, занять в нем собственное и очень заметное место, на которое большинство из них не имело наследственного права.

В Заключении подведены итоги исследования.

Мамлюки стали наследниками султаната Аййубидов, в полной мере освоили концепцию верховной светской власти, освященной благословением халифа, а позднее сумели добиться политического доминирования при новых правителях Египта – Османах, проявив тем самым удивительную способность адаптироваться к политической системе, в условиях которой им приходилось бороться за господство, а также изменять и использовать ее в своих интересах. Самым сложным для мамлюков оказалось сочетание династической идеи с принципом выбора султана как первого среди равных. По существу, имела место борьба между политической нормой, закрепившейся в мусульманском обществе со времен Омеййадов и императивом традиции, основанной харизматическом типе политической культуры и авторитете выдающихся мамлюкских правителей – аз-Захира Байбарса, ал-Мансура Калауна, аз-Захира Баркука. Опыт сменявшихся на протяжении двух с половиной столетий султанов показал, что наиболее могущественными из них был именно те, кто пришел к власти не исключительно по праву наследования,

но в результате успешного формирования группы влиятельных союзников и победы над соперниками. В результате мамлюки-Бурджиты сформировали свою собственную модель престолонаследия, династический элемент в которой был максимально редуцирован и стал играть вспомогательную роль, уступив место принципу выдвижения лидера на основе консенсуса фракций, при этом кандидатура султана должна была получить формальное одобрение со стороны халифа.

В изменениях мамлюкской политической системы, которые происходили в период правления бурджитских султанов, прослеживаются взаимопересекающиеся тенденции: существенная трансформация государственно-административного аппарата, самым тесным образом связанная со сломом преобладавших в предшествующий период социальных границ и стереотипов, и реконфигурация центральной власти. Эти тенденции определялись целым комплексом факторов, среди которых наиболее значимую роль играли механизмы формирования правящей элиты, а также поиск новых источников пополнения государственной казны в условиях экономического кризиса и активных военных действий (во второй половине XV в.).

Фундаментальные изменения в отношениях между различными социальными группами в Султанате мамлюков, а также в статусе этих групп, степени их доступа к власти и ресурсам, оказали влияние на систему норм и ценностей внутри этих групп. Как для общественной группы, состоящей из индивидов, по определению выросших вне лона семьи, клана, рода, для мамлюков была характерна меньшая степень кумулятивности (способности сохранять и накапливать опыт прошлого развития), несколько ослабленная историко-генетическая связь поколений, хотя, они, разумеется, не были полностью ее лишены, поскольку история и традиции играли для мамлюков, как для любой общественной группы, важную роль в формировании идентичности и сплоченности. Относительная свобода от императива традиционных обществ – следовать «образцам прошлого» – делала мамлюков наиболее подвижной и способной к эволюции, изменениям и реформам группой населения. Вместе с тем, степень этой свободы не следует преувеличивать. Мамлюкские военные традиции, в том числе способы ведения войны и пополнения армии, играли роль инерционной силы в эволюции политических институтов, а устойчивые принципы формирования мамлюкского сообщества и мамлюкской военно-политической элиты выполняли свою системообразующую и структурирующую функцию, благодаря чему сохранялся сам остов мамлюкской корпорации, который был настолько прочен, что пережил даже гибель Султаната.

Политическое развитие Султаната мамлюков в бурджитский период привело к формированию системы государственного управления, основанной на разветвленном бюрократическом аппарате, военной

иерархии и структуре религиозных институтов, которые были призваны поддерживать новый идеал политического порядка – не конкретную династию или определенный мамлюкский «дом», но государство мамлюков как таковое, власть султана как воплощение могущества мамлюкской военной организации. В обстановке постоянной конкуренции выявлялись и определялись наиболее прочные и жизнеспособные элементы мамлюкской политической системы, которые, постепенно эволюционируя, продолжили свое существование в последующие эпохи.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертационного исследования

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Илюшина М.Ю. Ал-Ашраф Инал (1453–1461) и аз-Захир Хушкадам (1461–1467): две модели формирования мамлюкской политической элиты // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. № 1. С. 31–41.
2. Илюшина М.Ю. Арабские источники по истории мамлюкского Египта в берлинской коллекции рукописей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2014. № 1. С. 35–43.
3. Илюшина М.Ю. Арабские рукописи из каталога А.К. Казембека 1852 г. в восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2011. № 1. С. 65–80.
4. Илюшина М.Ю. "Божественные касыды..." султана аль-Гури // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2012. № 2. С. 68–75.
5. Илюшина М.Ю. Борьба за власть в Мамлюкском Султанате в первый период правления Баркука (1382–1399) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2013. № 4. С. 32–45.
6. Илюшина М.Ю. Внешняя политика Египта при султанах Барсбее (1422–1438) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 12. С. 232–242.
7. Илюшина М.Ю. Египетский список «Ал-Канун ал-вадих...» в Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2015. № 3. С. 68–76.
8. Илюшина М.Ю. Египтяне на службе в мамлюкской администрации: семья ат-Таблави // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 76–82.

9. Илюшина М.Ю. Источники по истории и культуре султаната мамлюков в рукописном фонде библиотеки Лейденского университета // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2016. № 2. С. 20–29.

10. Илюшина М.Ю. Караман в политике Султаната мамлюков (XIV–XV вв.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. № 2 (45). С. 53–61.

11. Илюшина М.Ю. Мухаммад ибн 'Ахмад ибн Ийас о ближайшем окружении Кансуха аль-Гури (1501–1516) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2012. № 2 (6). С. 148–154.

12. Илюшина М.Ю. О родословной мамлюков Египта по материалам рукописи «Нисаб ал-джаракиса» из коллекции восточного отдела научной библиотеки СПбГУ. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика, 2008. Т. 2. № 1. С. 111–116.

13. Илюшина М.Ю. Основные направления внутренней и внешней политики султана аз-Захира Джакмака (842–857/1438–1453) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2019. Выпуск 4. С. 20–33.

14. Илюшина М.Ю. Письменные источники по изучению мамлюкского феномена в Египте в османский период (XVI–XVIII в.). // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2009. № 1. С. 76–93.

15. Илюшина М.Ю. Политический кризис в Египте в период правления султана Фараджа (1399–1412) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2016. № 3. С. 46–54.

16. Илюшина М.Ю. Последний мамлюкский султан в войне с османами (1516–1517) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2016. № 1. С. 49–58.

17. Илюшина М.Ю. Поэтическая трилогия о правлении мамлюкских султанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2014. № 3. С. 17–25.

18. Илюшина М.Ю. Трактат аль-Бакламиши об искусстве стрельбы из лука. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2012. № 4. С. 23–28.

в том числе в соавторстве

19. Зеленев Е. И., Илюшина М. Ю. Джихад в Черкесском султанате (1382–1517): феномен добровольчества в контексте мамлюко-османского противостояния // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 55–71.

20. Зеленов Е.И., Илюшина М.Ю. Мамлюкский султанат в Египте: Бейбарс и его эпоха (1260–1277) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2013. № 3. С. 41–53.

21. Зеленов Е.И., Илюшина М.Ю. Мусульманское образование и социальная мобильность в мамлюкском султанате Бурджи (1382–1517) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2019. № 1. С. 155–166.

22. Зеленов Е. И., Илюшина М.Ю. Султанат мамлюков и эмират Караманидов: взаимоотношения в контексте теории “фитны” // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2018. № 1. С. 31–40.

Статьи в иных российских и зарубежных изданиях

1. Илюшина М. Аббасидские халифы в Каире // Caucaso-Caspica. Труды Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета. Ереван: Изд-во РАУ, 2021. Вып. VI. С. 5–14.

2. Илюшина М. Ю. Арабские рукописи // Рукописи и ксилографы на восточных языках в научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 18–43.

3. Илюшина М.Ю. Арабские источники о народах России в Средние века и Новое время (Арабская историография в Египте и Сирии в XIII–XVIII вв.) // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Санкт-Петербург: Студия НП-Принт, 2011. С. 217–231.

4. Илюшина М.Ю. Реконфигурация военно-политической элиты в государстве мамлюков Бурджи (1382–1517): атабек и давадар // Арабский и исламский мир в Средние века: от Иберийского полуострова до Средней Азии. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. С. 68–82.

5. Iliushina M. Circassian Mamluks’ Origins as a Subject of Myth-Making (According to the Materials of Arabic Sources from 15th and 17th c.) // St. Petersburg Annual of Asian and African Studies. 2014. Vol. 3. P. 67–77.

6. Iliushina M. Mamluk diplomacy in Karaman in the late 14th century: some letters of Barquq and al-Mansur to ‘Ala al-Din ‘Ali // St. Petersburg Annual of Asian and African Studies. 2015. Vol. IV. P. 71–85.

7. Iliushina M.Yu. Ottoman Patterns in Mamluk Culture in Egypt (16th – 18th centuries) // St Petersburg Annual of Asian and African Studies. 2013. Vol. 2. P. 53–62.

в том числе в соавторстве

8. Зеленов Е. И., Илюшина М.Ю. Теория джихада и её эволюция в доосманский период // Caucaso-Caspica. Труды Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета. Ереван: Изд-во РАУ, 2021. Вып. IV. С. 1–12.

9. Zelenev E., Iliushina M. Jihad as an Individual Duty (farḍ al-‘ayn) in the Ideology of Circassian Sultans (1382–1517) // Iran and the Caucasus. 2021. Vol. 25. No. 4. P. 352–365.
10. Zelenev E., Iliushina M. Jihād in the Mamlūk Sultanate // Iran and the Caucasus. 2019. Vol. 23. No. 4. P. 332–344.
11. Zelenev E.I., Iliushina M. Islamic education and personal career mobility in the Circassian Sultanate (late 14th – early 15th century) // Iran and Caucasus. 2017. Vol. 21. P. 292–302.
12. Zelenev E.I., Iliushina M. The “Fitna” Concept within the Context of the Sultan Barquq (1382–1399) and the Karamanids Relations // Iran and Caucasus. 2016. Vol. 20: No. 2. P. 179–190.

Тезисы конференций

1. Илюшина М.Ю. Коллекция А.К. Казем-Бека в рукописном фонде Восточного факультета Санкт-Петербургского университета // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20–21 ноября 2013 г.). Казань: ООО "Фолиант", 2015. С. 99–107.
2. Илюшина М.Ю. Наследники и гвардейцы: борьба за власть в султанате мамлюков Бурджи (1382–1517) // XXX Международный Конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930) СПб.: Студия НП-Принт, 2019. Т. 1. С. 129–131.
3. Илюшина М.Ю. «Отборный жемчуг по истории Алеппо» в рукописной коллекции М. Казем-бека // Казембековские чтения: материалы Международной научно-образовательной конференции. Махачкала, 26–27 февраля 2019 г. Махачкала: Дагестанский гуманитарный институт, 2019. С. 102–108.
4. Илюшина М.Ю. «Хранитель султанской чернильницы» в административной системе мамлюков-Бурджитов (1382–1517) // XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. 23–25 июня 2021 г.: Материалы конгресса. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2021. Т. 1. С. 49–51.
5. Илюшина М.Ю. «Ал-Қавл ал-Мустазраф <...>» Ибн ал-Джи‘ана (1443–1497) как источник по истории мамлюкского султаната Бурджи // X Международная проблемно-методологическая конференция «Письменные памятники Востока: проблемы перевода и интерпретации». 12–14 октября 2020 г. Тезисы и конспекты докладов. М.: ИВ РАН, 2020. С. 25–27.
6. Илюшина М.Ю. Документы в египетских нарративных источниках мамлюкского периода (1250–1517): специфика и критика // XI Международная проблемно-методологическая конференция «Текстология

и источниковедение Востока». 11–13 октября 2021 г. Тезисы и конспекты докладов. М.: ИВ РАН, 2021. С. 26–27.

7. Илюшина М.Ю. Сообщения европейских путешественников о Египте (вторая половина XV – начало XVI в.). // Локальное наследие и глобальная перспектива. "Традиционализм" и "революционизм" на Востоке. XXVII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 24–26 апреля 2013 г.: Тезисы докладов. СПб: ВФ СПбГУ, 2013. С. 18.

8. Илюшина М.Ю. Тибак каирской цитадели в описании аль-Макризи // «Модернизация и традиции»: XXVI международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 20-22 апреля 2011 г.: Тезисы докладов. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 25–26.

9. Илюшина М.Ю. Трактат об охотничьих птицах из рукописного фонда Научной библиотеки СПбГУ // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. 22–24 апреля 2015 г.: Тезисы докладов. СПб: ВФ СПбГУ, 2015. С. 37.

10. Илюшина М.Ю. Три рукописи о происхождении Ридван-бея. // «Источниковедение и историография стран Азии и Африки»: XXIV Международная научная конференция. 10–12 апреля 2007: Тезисы докладов. СПб: ВФ СПбГУ, 2007. С. 75–76.

11. Илюшина М.Ю. Эмир атāбак в мамлюкской политической иерархии // Азия и Африка: наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. СПб: Изд-во Студия «НП-Принт», 2017. Т. 1. С. 59–61.